

И. Грузинов¹

Маяковский и литературная Москва

1

Владимира Маяковского в первый раз я увидел на одном из поэзоконцертов Игоря Северянина.

Это было в конце 1914-го или в 1915 году в Политехническом музее.

Когда поэзоконцерт, в сущности, был окончен, конференсье или кто-то другой из находившихся в эстраде людей объявил о выступлении Маяковского.

Маяковский, сделав шага два-три вперед, начал чтение стихов.

Он был тогда еще очень молод. Ему едва-едва перевалило за двадцать лет. Маяковский прочел отрывок из поэмы «Облако в штанах», которая в то время им слагалась.

В числе многих других строк он прочитал тогда на вечере поэзии Игоря Северянина и эти:

А из сигарного дыма
ликерною рюмкой
вытягивалось пропитое лицо Северянина.
Как вы смеете называться поэтом
и, серенький, чирикать, как перепел!
Сегодня
надо
кастетом
кроиться миру в черепе!

Публика, состоявшая, по-видимому, почти сплошь из приверженцев и поклонников Игоря Северянина, отнеслась к Маяковскому более чем холодно. После чтения стихов на некоторое время водворилась полная тишина. Затем люди, сделав вид, что они никак не реагируют на стихи Маяковского, зашевелились и двинулись к выходу.

Такой холодный прием публики, по-видимому, взволновал молодого поэта. Он начал нервничать, закурил на эстраде папиросу.

3

<...>

В Политехническом музее Маяковский читал свою новую поэму «Человек».

Его голос громыхал и раскатывался звучным «О-го-го»: с доступных его басу верхов поэт спускался к глубоким низам. Казалось: он аукается где-то в лесных трещинах или горных ущельях.

На вечере поэзии присутствовал Андрей Белый.

Ему предложили высказаться о новой поэме Маяковского.

Андрей Белый к выступлению, по-видимому, не готовился. Говорить ему, по-видимому, пришлось экспромтом.

Вся его речь свелась к повторению единственной фразы:

— Какая боль обнаруживается в новой поэме Маяковского! Какая боль!

Андрей Белый долго варьировал эту фразу о боли. Экспромтом он не сумел сделать надлежащего анализа новой поэмы. А может быть, он никакого анализа и не собирался делать.

---

¹ Грузинов Иван Васильевич — поэт и критик; в 1919 вступил в группу имажинистов, которую покинул вместе с Есениным в 1924.

В двух-трех шагах от Андрея Белого стоял Маяковский.
Он был мрачен. Лицо его казалось окаменевшим.
Слушая речь Андрея Белого о боли, Маяковский бессознательно являлся очень хорошей иллюстрацией этой речи.

4

На одном из литературных вечеров мне пришлось вновь увидеть Маяковского.
В Политехническом музее, не помню точно когда, он читал одно из своих новых произведений. Если не ошибаюсь, он выступал тогда с «Мистерией-буфф».

Состав публики на этот раз был совсем иным по сравнению с тем, какой бывал когда-то на поэзоконцертах Игоря Северянина.

По внешнему виду слушатели вечера поэзии Маяковского были весьма демократичны.

Маяковский, обладавший большим опытом публичных выступлений, умел быстро ориентироваться в аудитории.

Публика, присутствующая на данном вечере поэзии, заинтересовала его и понравилась ему. Маяковский врезался в самую гущу публики.

Случайно я оказался рядом с Маяковским и в первый раз видел его лицом к лицу.

Маяковский завел с аудиторией разговор о поэзии.

Кто-то из присутствующих сказал, что стихи Маяковского непонятны широким читательским кругам.

Маяковский оспаривал это. Он утверждал, что его легко понять: стоит только более или менее внимательно прослушать или прочитать несколько его вещей.

Далее Маяковский утверждал, что «непонятность» того или другого писателя, если она в каком-то конкретном случае и в самом деле имеет место, не должна отпугивать читателя.

Развивая свою мысль, Маяковский заговорил о Шекспире.

— Представьте себе, — обращался Маяковский к слушателям, — что кому-то непонятен Шекспир. Что из этого следует? Нужно забросить Шекспира? Нет. Нужно расти до понимания Шекспира. Нужно поднять себя до Шекспира.

Уважение к Шекспиру было не случайным. Оно характеризовало отношение Маяковского в тот момент к классическому наследству вообще...

Несколько лет спустя Маяковский амнистировал Рембрандта. Помню, на афише, извещавшей о выступлении Маяковского, значилось: «Я амнистирую Рембрандта».

5

Мне хочется сказать несколько слов о моих встречах с Маяковским на улицах Москвы.

Почти каждый раз, когда я встречал его, я слышал: он басом бормочет стихи. Ясно: он на ходу слагал свои новые стихи или исправлял старые.

Каждый раз, когда я видел Маяковского сочиняющим на ходу стихи, я старался сделать вид, что не замечаю его работы. Но обмануть Маяковского было невозможно. Он смущался. Как будто его застигли на месте преступления.

Однажды я встретил Маяковского на отдаленной улице Москвы, встретил в необычный час. Это было ранним осенним утром. По всей вероятности, это было в 1920 году.

Он шел, размахивая огромным пустым мешком, и слагал вслух стихи.

Пройдя несколько шагов, я оглянулся.

Гигант продолжал ритмически размахивать огромным мешком. Развеваящийся в воздухе мешок казался парусом, трепещущим на ветру.

Однажды в полдень я увидел Маяковского, шагающим с двумя неизвестными мне людьми по Советской площади.

Это было в начале двадцатых годов, в момент обострения отношений между Советским Союзом и Англией.

Маяковский и его спутники быстро взобрались по внутренней лестнице на верхнюю площадку обелиска Свободы.

Маяковский начал читать стихи, проникнутые чувством страстной любви к родине.

Голос его был отчетливо слышен. Пространство Советской площади было для его голоса таким же, каким для голоса многих других людей является пространство обыкновенной комнаты.

16

Делались ли попытки со стороны руководителей Союза поэтов привлечь Маяковского к работе в Союзе?

Конечно. Такие попытки делались неоднократно, но они не приводили ни к каким положительным результатам.

Причина «безучастного» отношения Маяковского к Союзу поэтов ясна: на первых порах своего существования Союз поэтов ограничивал свою деятельность исключительно выступлениями в кафе, а Маяковский к этому времени совершил окончательный и бесповоротный отход от жизни каких бы то ни было поэтических или артистических кафе.

Союз поэтов уже несколько месяцев шумел своими выступлениями. Поэтический шум не только наполнял Москву, но выходил далеко за ее пределы: во многих крупных городах Советской Республики возникли отделения Союза поэтов. За все это время Маяковский ни разу не появлялся в СОПО.

В дальнейшем он изредка стал заходить в «Кафе поэтов». В качестве гостя. В качестве наблюдающего. В качестве изучающего своих соратников по перу.

Обыкновенно Маяковский приходил в «Домино» один. Появлялся он в «Кафе поэтов» часов в восемь или девять вечера и уходил, пробыв там не больше двух или трех часов.

Для «Домино» это время — ранний вечер. Программа в «Домино» фактически началась поздно, хотя в афишах обозначался сравнительно ранний час ее начала.

Только очень серьезные выступления, носившие академический характер, осуществлялись в ранние вечерние часы. В такие часы делали литературные доклады профессор Коган, критик Львов-Рогачевский или Сергей Григорьев. Читал переводы древнегреческих трагиков Вячеслав Иванов, излагал с эстрады свои мысли об искусстве Андрей Белый.

Поздним вечером, после одиннадцати часов, а иногда только после полуночи, «Кафе поэтов» начинало свою шумную ночную жизнь.

Тогда «Кафе поэтов» наполняла особая публика: ночная. Для этой публики нужна была особая программа.

Никакая соль не казалась ей достаточно соленой, никакая эксцентричность достаточно эксцентричной. Публика ночного кафе морщилась, делая вид, что ей кажутся пресными отчаянные вывихи самой отчаянной экстравагантности.

Часто случалось, что в «Кафе поэтов» программа академического характера отсутствовала. В таком случае поэты и поэтессы, собравшись в кафе ранним вечером, оседали за столиками второго зала и вели дружеские беседы.

Среди собравшихся можно было увидеть не только представителей богемы, но и тех поэтов, которые вели семейный, весьма скромный образ жизни.

Эти скромные и тихие люди приходили в кафе «Домино», чтобы увидеть своих коллег и узнать, как они живут и работают: что пишут, что написали и что запланировали к написанию на ближайшее будущее.

Маяковский, появляясь в «Кафе поэтов», обычно проходил во второй зал. Садился за один из миниатюрных столиков со стеклянным покрытием и слушал разговоры собратьев по перу. Их, собратьев по перу, нередко собиралось довольно большое количество: в те времена никого не удивило бы присутствие за столиками «Домино» доброй полусотни, а иногда и сотни поэтов.

Обыкновенно Маяковский сидел в «Домино» среди поэтов за стаканом кофе, иногда — за совершенно пустым столиком.

С появлением Маяковского разговор во втором зале «Домино» становился общим и оживленным.

17

При встрече с Маяковским прежде всего поражал его высокий рост.

Он широкоплечий, широкогрудый. Темный шатен. Волосы коротко подстрижены. Чаще всего наголо.

В его пронизывающих карих глазах, смотревших почти всегда чуть-чуть исподлобья, чувствовалась большая внутренняя сила.

Его глаза отличались вот какой особенностью: каждый раз, когда их обладатель бросал на вас свой взор, вы ощущали удар, похожий на чисто физическое прикосновение. Поэт отводил от вас взгляд, снова устремлял его на вас — и вы снова получали удар почти такой же силы. И так без конца.

У Маяковского почти всегда — папироса, характерно зажата сильными волевыми движениями выразительных и резко очерченных губ.

Еще один из характерных жестов поэта: руки, опущенные в карманы брюк.

У Маяковского скромный, но чистый костюм. Полное отсутствие суетливости. Размеренный и спокойный ритм движений.

Сильное впечатление на слушателей производил огромный голос поэта, которым он в совершенстве владел. Это металлический бас, изредка переходящий на высоких нотах в фальцет: обыкновенно высокие ноты произносились фальцетом при длительном чтении стихов. По-видимому, от переутомления.

У Маяковского почти всегда крепко сжатые челюсти. Его лицо почти всегда выражает сильное нервное напряжение.

Неукротимая энергия поэта искала выхода не только в многообразном творческом труде: поэзия, живопись, журналистика, кино, — эта энергия широко расходовалась также в играх, требующих физической силы и ловкости.

Так, например, Маяковский очень любил игру в городки и предавался ей со свойственной ему страстностью и юношеским задором.

Кроме игры в городки Маяковский любил игру на бильярде и многие другие игры. Не боясь преувеличения, можно сказать: почти не было такой игры, которой не любил бы Маяковский.

Маяковский — весь в движении. И стихи свои он любил слагать, находясь в движении — особенно под ритмические взмахи своих шагов, бесчисленное множество раз пересекая площади и меряя улицы городов.

Каждый раз, когда мне приходилось встречаться с Маяковским, он производил на меня впечатление скромного и деликатного человека. Таким он, в сущности, и был.

В личных отношениях с людьми, в особенности с поэтами, Маяковский был мягким и отзывчивым. Иным я его никогда не видал.

В сердце Маяковского жила большая и трогательная любовь к людям.

Он не мог относиться равнодушно к бедным и обездоленным.

Особенно трогательным было его отношение к неимущим старухам и старикам.

Старость, да еще не обеспеченная — с таким проклятым фактом Маяковский не мог примириться. Он не мог видеть старого человека, у которого нет каких-то несчастных копеек, чтобы купить кусок хлеба.

Как только у поэта появлялись деньги, он спешил раздать их нищим старухам и старикам.

Об этих чудесных поступках Маяковского знают очень немногие из тех людей, которые были близки с поэтом при его жизни: Маяковский тайно отыскивал бедных старух и стариков и помогал им.

18

Помню, что в «Домино» в присутствии Маяковского нередко затевались литературные игры. Одной из излюбленных в то время литературных игр была игра в отгадывание стихотворных цитат.

Знатоки поэзии предлагали самые редкие, самые трудные для отгадывания цитаты из старых, новых и новейших поэтов. При этом трудность отгадывания усугублялась обычно современной распевной читкой: попробуйте отгадать, какой, например, пиит XVIII века написал вирши, если их преподнесут вам в распевной манере стихотворцев нашего времени!

Больше всего курьезов было с цитатами из Пушкина. Самым дружным смехом оглашалась «Сопатка», когда обнаруживалось, что никто из присутствующих поэтов не узнает Пушкина, продекламированного в манере современного распевного речитатива.

Маяковский, присутствуя на литературных играх в кафе «Домино», не цитировал и не отгадывал цитат. Он сидел молча и улыбался.

Когда настроение поэтов значительно поднималось, он обычно рассказывал что-нибудь забавное о своем прошлом: о своих московских выступлениях, о своих литературных поездках по городам Советской Республики, о своих литературных спутниках.

Однажды он рассказал, например, о своем совместном литературном путешествии с Игорем Северянином. Рассказ свой Маяковский закончил так:

— И вот когда мы доехали с ним до Харькова, то я тут только обнаружил, что Игорь Северянин глуп...

19

В дальнейшем Маяковский неоднократно выступал с эстрады Всероссийского Союза поэтов со своими произведениями. Помню, при выступлениях в Союзе поэтов он несколько раз читал отрывки из поэмы «150 000 000».

Как известно, поэма создавалась Маяковским в течение 1919 и 1920 годов. В этот период времени, по мере того как поэма подвигалась вперед, Маяковский знакомил с ней слушателей в СОПО. Почти всегда не меньше половины слушателей поэмы в СОПО составляли поэты.

Стремясь облегчить слушателям восприятие того или иного ритмического хода поэмы, Маяковский в такт произносимым словам слегка пристукивал ногой, делал размеренные движения корпуса влево и вправо, сопровождая движение корпуса жестами рук. Больше всего мне запомнились у читающего Маяковского плавные движения рук. Читая поэму, он поводил руками, как дирижер, перед которым играл оркестр, видимый только ему одному.

Маяковский декламировал поэму «150 000 000» с чрезвычайным воодушевлением. Такое воодушевление, при чтении стихов было редким даже для него. Декламируя «150 000 000», он приходил в восторженное состояние: глаза ярко светились, молодое лицо его покрывалось легким румянцем.

21

<...>

На вечере поэзии в ЛИТО Валерий Брюсов декламировал стихи, которыми он, по сути дела, продолжал один из своих старых стихотворных циклов: «Правда вечная кумиров».

Валерий Брюсов заканчивает декламацию стихов.

И вот на том самом месте, где только что стоял Валерий Брюсов, неожиданно появляется неизвестный человек.

Он сразу же, с места в карьер, начинает громким, абсолютно не соответствующим размерам комнаты голосом громить стихи Валерия Брюсова.

Неизвестный упрекает Брюсова в мертвой академичности, в невнимании к животрепещущей революционной действительности.

Неизвестный кинулся в атаку на Валерия Брюсова с такой молниеносной быстротой, с такой чрезвычайной резкостью, что поэт растерялся.

Брюсов молчал. Он пытался придать своему лицу выражение каменной невозмутимости, но это ему не удалось. Смущенный, он неловко и виновато улыбался.

Неизвестный заканчивает речь.

Вслед за неизвестным выступает Маяковский.

Для всех присутствующих выступление Маяковского было полной неожиданностью.

Маяковский спокойным и деловым тоном, очень скромно и просто, без всякой аффектации начинает говорить.

Маяковский заявляет, что он отказывается от футуризма. С этого момента он больше не футурист.

В литературных кругах Москвы отказ Маяковского от футуризма вызвал оживленные толки и разговоры.

Заявление Маяковского было очень кратким. Многие в положении футуризма и футуристов после заявления Маяковского оставались неясным.

Обсуждая заявление Маяковского, московские литераторы обращали внимание на то, что оно было сделано от лица только одного Маяковского.

Вставал ряд вопросов: согласовано ли Маяковским это заявление с другими футуристами или нет, а если нет, то почему. В каком направлении будет развиваться творчество Маяковского и его товарищей по литературной группе? В частности, какие изменения произойдут в форме стихов Маяковского?

22

Маяковский любил острословие. Любил афоризм и крылатую фразу. Его выступления почти всегда были приправлены едкой солью острот.

Как строит Маяковский афоризм или крылатую фразу?

В подавляющем большинстве случаев Маяковский при построении афоризма опирается на драгоценный материал народной поэзии.

Подосновой или фундаментом для афоризма Маяковского является та или иная народная пословица, поговорка или словесная заставка.

Обычно Маяковский видоизменяет общеизвестную народную пословицу или поговорку, приделывая, например, к первой части ее совершенно не относящийся к ней конец, причем конец этот, в свою очередь, сам является иногда видоизмененной частью другой своеобразной народной пословицы или поговорки.

Именно таким способом построен Маяковским общеизвестный его афоризм, в сущности, являющийся новой поговоркой: «Не плюй в колодезь: вылетит — не поймаешь».

Нередко острую фразу Маяковский оперял рифмой, и тогда она вполне уподоблялась стреле: она становилась не только острой, но и летучей. Тогда ее можно было назвать крылатой фразой в самом строгом и точном значении этого слова.

Для какой цели строился Маяковским афоризм или крылатая фраза?

Для пользования ими на эстраде при разговорах с публикой. В таких случаях крылатая фраза рождалась иногда экспромтом.

Прием крылатой фразы нередко применялся Маяковским и в его стихах. Например: «Гони, поэт, чай», «Стоило жить и работать стоило» и т. п.

Этот же прием, прием ходячей или крылатой фразы, с успехом применялся Маяковским в агитационных плакатах-рекламах, применялся для надписей или посвящений на книгах, а также для эпиграмм. Впрочем, автограф Маяковского, вручаемый им тому или иному лицу вместе со своей книгой, почти, всегда в какой-то мере эпиграмма.

Я отлично помню: тот или иной автограф Маяковского, подаренный им какому-нибудь другу в кавычках или другу без кавычек, буквально в один вечер облетал всю тогдашнюю литературную Москву и, переходя из уст в уста, иногда в искаженном виде, неизменно вызывал искренний смех.

Общеизвестна эпиграмма Маяковского, направленная против поэта Александра Кусикова. Я слышал эпиграмму на Кусикова на одном из литературных вечеров: Маяковский сам читал ее публике.

Насколько я помню, эта эпиграмма имела следующий вид:

На свете
много
вкусов
и кусиков:
одним нравится
Маяковский,
другим —
Кусиков.

Один из московских собирателей автографов рассказывал мне: Маяковский преподнес Кусикову свою книгу «Всё» вскоре после ее выхода в свет, сделав на ней надпись:

Есть вкусы
и есть
кусики.
Дарю —
Маяковский Кусикову.

<...>

25

Я привык видеть Маяковского читающим стихи. Я привык также видеть его разговаривающим с эстрады о поэзии и других видах искусства.

Я отчетливо вижу Маяковского на эстраде, вижу Маяковского, декламирующего свои стихи. Я вижу его своеобразную фигуру, его лицо, его мимику, его жесты. Я слышу его голос.

В памяти большинства людей, знавших Маяковского, живет эстрадный облик поэта. В какой-либо другой роли нам трудно представить Маяковского.

Вызывая «времен из вечной темноты» облик живого Маяковского, я вижу его иногда в ролях для него необычных. И в соответствии с тою или иною ролью облик поэта также становится необычным.

Особенно интересен Маяковский в роли лектора.

Припоминаю.

Это было около 1920 или 1921 года.

Ранний вечер.

Небольшой зал Дома печати.

Человек сорок слушателей.

Полная тишина.

В тишине очень внятный и отчетливый, но умеренный голос Маяковского.

Он читает лекцию о поднятии трудовой дисциплины на производстве. Точнее: о средствах поднятия трудовой дисциплины, которыми располагает в данном случае современный литератор и художник.

На Маяковском опрятный костюм. Белая сорочка. Самый заурядный галстук.

Весь он какой-то отчетливый. Подобранный. Чуть-чуть стесняющийся.

Да, да. Это молодой советский интеллигент. Что-то вроде приват-доцента. Разумеется: этот молодой приват-доцент совсем недавно получил почетное и лестное для него ученое звание.

Да, да. Профессия обязывает. Он скромненький, по-особому деликатен. Но вместе с тем он немного горд своим сравнительно высоким ученым званием, званием приват-доцента. Ведь приват-доцент — это профессор.

Я не буду останавливаться подробно на содержании этой лекции Маяковского. Полагаю, что текст ее в том или ином виде сохранился. Сохранились, вероятно, и те иллюстрации, которые были изготовлены для той или иной фабрики, для того или иного завода; он рассказывал, как художник и литератор должны объяснять содержание плакатов рабочим той или иной фабрики, того или иного завода. При этом Маяковским с исключительной тщательностью и настойчивостью подчеркивалась необходимость применения плакатов с учетом конкретной обстановки на той или иной фабрике, на том или ином заводе.

По мысли Маяковского, плакаты должны были служить средством поднятия трудовой дисциплины, главным образом среди советской молодежи, должны были воспитывать советскую молодежь.

В своих плакатах Маяковский обращался к молодым фабрично-заводским работникам — Маше, Кате или Наташе, объясняя им необходимость труда и его пользу.

Подобной же педагогической работой он предлагал заняться как советским художникам, так и литераторам.

В своей лекции Маяковский призывал литераторов и художников принять самое живое и деятельное участие в поднятии трудовой дисциплины на советских фабриках и заводах.